

С.А. Фомичев

Творческая история «Горя от ума»

Существует несколько легендарных свидетельств мемуаристов о раннем замысле комедии. Некоторые современники Грибоедова свидетельствовали о возникновении замысла «Горя от ума» в юности драматурга. Так, В. Шнейдер рассказывал Л. Майкову о том, что он слышал от Грибоедова «начатки “Горя от ума” еще в предвоенные годы. Ср. также воспоминания Д. Бебутова:

«В конце ноября 1819 года я выехал на родину в отпуск <...>. Итак, от Моздока до Тифлиса мы <с Грибоедовым> ехали вместе и коротко познакомились; он мне читал много своих стихов, в том числе, между прочим, и из “Горя от ума”, которое тогда у него еще было в проекте.

С. Бегичев также вспоминал:

«...Известно мне, что план этой комедии был у него сделан в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен; но, не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены».

Два первых свидетельства можно отнести за счет обычных ошибок мемуаристов, «запоминающих» в кратковременном и случайном своем общении со знаменитым современником именно то, что принесло ему общеизвестную славу. Что же касается хорошо осведомленного Бегичева, то, судя по его высказыванию, он принимал за «план» «Горя от ума» какое-то другое произведение писателя, возможно, замысел, вылившийся в ближайшее время в комедию «Студент». Во всяком случае, все эти свидетельства противоречат собственному признанию Грибоедова:

«Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его».

Следовательно, первоначальный замысел, приведший к «Горю от ума», вовсе не был комедийным. Житейским зерном такого замысла могло быть впечатление от посещения Москвы в 1818 году, о чем Грибоедов писал Бегичеву 18 сентября:

«В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему, а притом “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем”. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят».

Нечто подобное мог написать и Чацкий, попавший в Москву после трехлетнего отсутствия. О начале работы над комедией вспоминал Булгарин со слов драматурга:

«Будучи в Персии в 1820 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план “Горя от ума” и сочиняет несколько сцен первого акта».

Это свидетельство подтверждается и уточняется письмом Грибоедова к неизвестной, написанным им в Тавризе 17 ноября 1820. Первые два действия комедии были написаны

в Тифлисе, куда Грибоедов он попадает в конце 1821 года. Кюхельбекер, в то время бывший там же, вспоминал:

«Грибоедов писал “Горе от ума” почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано».

О первом впечатлении от комедии при московской встрече с другом (март 1823) позже рассказывал Бегичев:

«Из комедии его “Горе от ума” написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он не одетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал: “Послушай, что ты делаешь?!” — “Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в моей голове”. И через неделю первый акт уже был написан».

Уточнить это свидетельство помогает автограф ранней редакции комедии. Из него действительно вырваны несколько листов, на которых был записан первоначальный вариант 2–4-й сцен первого действия. Текст этот до некоторой степени можно восстановить по оставшимся корешкам вырванных листов, сохранившим части стихотворных строк. Заигрывание Фамусова с Лизой и его подозрения насчет Софьи с Молчалиным были первоначально изображены более откровенно, что, вероятно, и смутило Бегичева. Между прочим, даже в переработанном виде впоследствии эти сцены раздражали многих критиков своим «неприличием» и служили предлогом для цензурных придиорок к комедии. Свежие московские впечатления позволили Грибоедову развернуть некоторые картины, лишь отдаленно намеченные в Тифлисе. Так, на место риторического монолога Чацкого во втором действии «Вы правы, что в Москве всему печать...» встал знаменитый монолог «А судьи кто?..». В то же время московская жизнь мешала сосредоточиться для творческой работы. 3-е и 4-е действия комедии были написаны осенью 1823 года в тульском имении Бегичева, в селе Дмитровском (то же Локотцы) Ефремовского уезда. Уже в декабре 1823 года Пушкин запрашивал из Одессы Вяземского:

«Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева...»

Очевидно, чтобы пресечь подобные слухи, Грибоедов несколько изменяет фамилию главного героя (первоначально Чадский — вероятно, от «чад», ср. в его монологе 4-го действия: «Ну вот и день прошел, и с ним / Все призраки, весь чад и дым / Надежд, которые мне душу наполняли»). Уже в московской редакции произведение получило и окончательное название, более комедийное, чем вначале (было: «Горе уму»). Рукопись комедии (Музейный автограф) была оставлена в Москве Бегичеву, когда в июне 1824 года Грибоедов переехал в Петербург, имея главной целью напечатать комедию и провести ее на сцену. Впоследствии с этого автографа был снят список И. Бехтеевым, близким другом Бегичева. Уже в дороге Грибоедову пришла мысль об изменении концовки пьесы. Через несколько дней Грибоедов напишет Бегичеву:

«Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов, или лучше сказать, рифм переменял, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову придумать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечкою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину...».

К счастью, Бегичев «не предал огню манускрипта». В настоящее время рукопись первоначальной редакции комедии хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Впервые Музейный автограф воспроизведен

в печати В. Якушкиным. Первоначально Софья не была невольной свидетельницей заигрывания Молчалина с Лизой, и ее окончательная отповедь Чацкому звучала не полуоправданием, а благородным негодованием («Не лицемерила и права я кругом...»). В процессе публичных чтений текст пьесы непрерывно совершенствуется, и стих комедии обретает в конечном счете ту энергию, раскованность и выразительность, которые являются яркими приметами грибоедовского стиля. С другой стороны, предвидя цензурные затруднения, Грибоедов смягчает особо острые политические намеки: «Нет! нынче худо для дворов» (в окончательной редакции: «Нет! нынче свет уж не таков»), «Да, был нам черный год, не послужило впрок» («Дома новы, а предрассудки стары»), «Что за правительство путем бы взяться надо» («Что радикальные потребны тут лекарства») и т. п.

А. Жандр вспоминал:

«Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, — он написал такие ужасные брульёны <brouillon — фр. черновик>, что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедов, находится у меня».

Важнейшие приметы Жандровского («главного») списка: он тщательно выправлен автором, который настойчиво устранял малейшие опiski переписчика; в частности, Грибоедов вписал своей рукой некоторые пропущенные копиистом слова и целые строки (в двух-трех случаях, однако, ошибки Грибоедова не были замечены). В списке была продолжена работа по совершенствованию текста; на месте зачеркнутых появились новые варианты многих строк. Два же листа списка были драматургом заменены другими, на которых им самим записаны новые редакции двух монологов (рассказ Софьи о своем «сне» и последний монолог Чацкого). Приведенный выше рассказ Жандра не совсем точен (возможно, беллетризован мемуаристом, Д. Смирновым): множество списков могло быть изготовлено в канцелярии лишь после окончания работы Грибоедова над главным списком: среди огромного количества списков комедии, дошедших до наших дней (около тысячи), мы не знаем таких, которые бы сохранили нижний слой текста Жандровского списка, соответствовавший, очевидно, грибоедовским «брульёнам» (да и копирование последних было, несомненно, возможно лишь при помощи самого автора, который в этом случае мог работать только с одним переписчиком). Оставляя Жандру «главный» (правленный) список, Грибоедов, безусловно, изготовил для себя, как и при отъезде из Москвы, рукописный экземпляр комедии, который, по всей вероятности, находился у него и в Тегеране в день гибели.

Приехав в Петербург 1 июня 1824 года, Грибоедов надеялся провести свою комедию в печать и не был поэтому заинтересован в распространении рукописных копий пьесы. Только в середине октября того же года писатель стал поощрять создание списков «Горе от ума»

Потеряв надежду опубликовать комедию целиком, Грибоедов отдает отрывки из нее (7–10-е явления первого действия и третье действие) в альманахе «Русская Галия», который выходит из печати 15 декабря 1824 года. Грибоедовский текст в альманахе подвергся цензурной правке и сокращениям. Здесь было напечатано, например: «Между учеными который поселился» (у Грибоедова: «В ученый комитет...»); «Ведь надобно других иметь в виду» (вместо: «Ведь надобно зависеть от других»), «перед каким ни есть (вместо «перед монаршиим») лицом»; «Одежд (вместо “правлений”), и климатов, и нравов, и умов» и т. п. Бытующие до сих пор представления о том, что Грибоедов не считал в 1824 году работу над «Горем от ума» законченной и продолжал ее чуть ли не до самой смерти, не имеют под собой никаких достоверных оснований. В 1828 году писатель отчетливо выразил свою авторскую волю относительно текста комедии: отправляясь из Петербурга

в свою последнюю поездку в Персию, он оставил список «Горя от ума» Булгарину с собственноручной пометой на титульном листе:

«“Горе” мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828».

Надпись эта не была просто этикетной: она давала право Булгарину печатать текст, — тот текст, который данный список сохранил, идентичный тексту Жандровского списка (1824), за исключением мелких разночтений, которые можно объяснить ошибками переписчика, автором не замеченными или не сочтенными важными. Никаких существенных редакционных изменений в текст Грибоедов не внес, тем самым фактически подтверждая, что творческая работа над произведением была им завершена три с половиной года назад.